

Е.Е. Соколова

ПСИХОЛОГИ НА РАСПУТЬЕ: КАКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ НУЖНА СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ?

Статья посвящена представлению и анализу принципов диалектико-монистического подхода, которые часто неверно понимаются его оппонентами, а также обоснованию его необходимости и применимости в современной психологии. Показано, что диалектическая методология обнаружила свою эвристичность в ходе «методологического эксперимента», которым выступила история психологической науки. На конкретных примерах доказываются преимущества программы интеграции психологии, предложенной в диалектической культурно-деятельностной школы, по сравнению с программой методологического либерализма.

Ключевые слова: методология психологии, диалектика, монизм, плюрализм, методологический либерализм, история психологии, культурно-деятельностная психология, диалектический синтез, система, сеть, идеалы рациональности, практика.

Введение

Как известно, отечественная психологическая наука переживает «методологический бум». Одна за другой выходят работы, посвященные анализу современного психологического кризиса и путей выхода из него, истории и методологии различных психологических школ, появляются новые учебники и научные труды по методологии психологии, организуются ежегодные конференции и семинары по соответствующей тематике, с 2006 года издается журнал «Методология и история психологии», для которого я и пишу эти строки.

Давно замечено, что интерес к методологии обостряется тогда, когда в науке обнаруживаются какие-либо кризисные моменты, связанные с невозможностью продолжать исследования привычным путем (напомним, что исходно древнегреческое слово *μέθοδος* означает «путь»). Многие методологи определяют современное состояние науки как психологический кризис. Специфика данного кризиса понимается различно, предлагаются также разные способы выхода из него. Одни авторы [17; 25] считают, что современный

психологический кризис – новый вариант того методологического кризиса, который был так блестяще проанализирован Л.С. Выготским [1], поэтому намеченная им программа выхода из кризиса сохраняет до сих пор свою актуальность. Другие исследователи видят его суть в кризисе методологии неклассического типа в эпоху постнеклассической и постмодернистской психологии [3].

Некоторые авторы, напротив, приходят к выводу, что существующий в психологии плюрализм – вовсе не показатель кризиса, а свидетельство особого статуса психологии как полипарадигмальной науки [10].

Все это приводит к необходимости нового обращения к анализу методологических основ психологии и специального обсуждения предлагаемых в современной литературе различных путей развития психологической науки.

Обращение к вопросам методологии представляет, на наш взгляд, не только теоретический интерес, оно имеет непосредственное практическое значение. «Как это ни странно и ни парадоксально на

первый взгляд, — писал Л.С. Выготский еще во второй половине 20-х гг. XX в., — но именно практика, как конструктивный принцип науки, требует философии, т.е. методологии науки» [1, с. 388]. В настоящее время, когда профанация психологической практики достигла небывалых размеров, это положение приобрело чрезвычайное значение.

Значительная часть методологов, рассуждая о путях выхода из психологического кризиса, считают адекватными для современной психологии лишь позиции, названные ими методологическим либерализмом и методологическим плюрализмом. Сторонники первого подхода открыто заявляют о необходимости интеграции психологической науки и видят путь такой интеграции в «наведении мостов» между академической и практической психологией, между разными «парадигмами» и различными уровнями проявления и детерминации психической реальности, выступая за «комплексные (многополярные) психологические объяснения», «в которых бы нашлось место и нейронам, и смыслу жизни» [30, с. 15]. В отличие от сторонников данной позиции, представители методологического плюрализма не видят возможности «навести мосты» между разными «парадигмами» современной психологии, поскольку психология, как они считают, — наука полипарадигмальная и «каждая теория конституирует свой предмет и метод исследования» [10, с. 152]. Считая позицию методологического плюрализма «более прогрессивной», чем позиция методологического либерализма, Т.В. Зеленкова утверждает, что первая, в отличие от второй, не предполагает никакого «директивного подхода», «никаких насильственных действий относительно интеграции» и признает «тем самым право не только на самостоятельное развитие каждой теории, но и на возникновение и становление новых концепций и парадигм» [7, с. 19].

Уж если методологическому либерализму достается за «директивность», то что говорить тогда о монизме, который критикуется как представителями методологического либерализма, так и сторонниками методологического плюрализма! Его обвиняют в стремлении «загнать психологию» в узкий коридор одной универсальной методологии и теории. Однако, по мнению методологических плюралистов, на создание единой психологической теории нельзя рассчитывать, ибо построение такой теории предполагало бы «создание универсального метода исследования психической реальности» [10, с. 152], что невозможно. Следствием данного утверждения является вывод, что «адекватность тех или иных методологических средств психологического анализа (включая и собственно психологические теории на уровне конкретно-научной методологии) может быть выявлена только в ходе “методологического эксперимента”, и не может существовать теория даже самого высокого уровня, которая бы априори была пригодной для преодоления вновь возникающей познавательной трудности» [10, с. 153].

Рискуя вызвать на себя новый огонь критики, я выдвигаю тезис, который намереваюсь доказать в предлагаемой вниманию читателя статье: подобная универсальная методология есть, и она уже доказала свою состоятельность в ходе особого методологического эксперимента, которым, по нашему мнению, выступила реальная история развития психологической науки. Этой универсальной методологией является диалектика, которая неразрывно связана с принципом монизма. В начале статьи будут раскрыты основные принципы данной методологии, которые часто неверно интерпретируются в литературе. Таким образом, первой нашей задачей будет опровержение критики в адрес диалектического (системного) монизма. Второй — позитивной — задачей статьи будет прояснение тех шагов,

которые ведут к решению поставленной временем проблемы интеграции психологической науки. Однако путь этой интеграции, предлагаемый системным монизмом и строящейся на данном философском фундаменте культурно-деятельностной психологией, существенно отличается от такового, предлагаемого «методологическими либералами».

1. Опровержение критики в адрес системного монизма

1.1. Подмена научной критики идеологической

При чтении статей, посвященных критике монистической позиции, возникает отчетливое впечатление подмены собственно научной критики идеологической. Поскольку монистический взгляд в методологии связывается его оппонентами практически исключительно с марксистски ориентированной философией и психологией, для его обозначения часто используется специфическая лексика — например, в качестве синонима термина «монизм» используется слово «ригоризм». Однако, вообще говоря, ригоризм является важным понятием этики, а не гносеологии, и данный термин используется в ней чаще всего в отрицательном значении — для характеристики чрезмерно мелочной строгости в соблюдении правил нравственности. Поэтому называние монизма ригоризмом усиливает непривлекательность монистической позиции для тех, кто не знает ее подлинной сути и возможных вариантов. Для обозначения монизма часто используется и прилагательное «директивный» (что у знающих людей вызывает ассоциации с «директивами партии и правительства» и невыгодно противопоставляет эту позицию, например, «индирективной терапии» гуманистических психологов). Критики монизма убеждены, что монисты призывают к созданию «единой директивно-жесткой

иерархической системы» [7, с. 19] и что они в качестве исходного пункта познания выдвигают представление о том, «каким **должен** быть предмет» (выделено мной. — *Е.С.*) [16, с. 145]. Анализируя взгляды советских психологов, всегда заявлявших о своей диалектико-монистической позиции, М.С. Гусельцева сочувственно-осуждающе констатирует: «Отечественная психология, подобно жертвам компрачикоса, развивалась в социокультурном контексте тоталитаризма... Когда же официальная методология обрушилась, многие стали это воспринимать как беду, как очередной психологический кризис. Но выход из кризиса по традиции искали в оглядке назад, в первоисточниках, у классиков отечественной психологии, в следовании авторитетам» [3, с. 111]. Приведя примеры таковых исканий (диссертационные исследования А.Г. Чесноковой, С.М. Морозова, статья, а впоследствии и диссертация А.В. Сурмавы), М.С. Гусельцева делает вывод, что после работ Г. Гадамера, Т. Куна, К. Поппера, М. Полани, С. Тулмина «затруднительно видеть в классиках указующий направление перст, а не предмет для “скептицизма” и “методологического сомнения”, не материал для творческого диалога. Классики как оппоненты, собеседники, голоса в культуре особенно чтимы нами тогда, когда, осваивая их опыт, мы создаем оригинальные концепции» [3, с. 111].

Подобные высказывания о директивности монизма не учитывают различных вариантов монистической позиции и долгую историю развития монизма как определенной философской позиции, которая возникла гораздо раньше, чем марксизм (см., например, [18]). Монистами были многие античные философы, в Новое время монистические системы создали Б. Спиноза и Г. Гегель. Кроме того, монизм монизму рознь. Если монизм в целом определяется как «рассмотрение всех явлений действительности в свете единого

начала, единой основы всего существующего» [28, с. 523], то вариант монизма, на котором базируется культурно-деятельностная психология, всегда рассматривает это единство как «единство многообразного». Ранние версии монизма, как пишет Л.К. Науменко, действительно предполагали сведение всех явлений мира к одному субстрату и отсутствию многообразия: «На ранних этапах развития монистической мысли с необходимостью полагается единство сущности всех явлений и исключается ее многообразие. Сущность всех вещей одна, а потому и наука об этой сущности едина. Это – философия» [18, с. 81]. Ограниченность данной точки зрения, сводящей субстанцию к субстрату (веществу определенного типа – воздуху, огню и пр.), была позже (начиная с Платона и Аристотеля) обнаружена со всей очевидностью. Когда крупнейший философ XVII века Б. Спиноза в качестве основы всего существующего видит субстанцию, то он не сводит ее к какому-либо одному субстрату или одной сущности, – она имеет бесконечное число атрибутов и модусов. Мир – единство многообразного.

Наконец, слово «директивность» не имеет никакого отношения к подлинному диалектическому учению К. Маркса, а связано с философией того варианта «диамата», который культивировался в определенные периоды развития советской философии. По сути дела, можно говорить даже о вульгарном (опошленном) марксизме в духе небезызвестного «Краткого курса истории ВКП(б)». Как мы знаем, любую систему идей можно редуцировать к весьма примитивным положениям и тем самым довести до абсурда (недаром З. Фрейд писал в свое время о «диком» психоанализе). Подобное случилось и с марксизмом как философским учением. Это заставило некоторых современных диалектиков даже развести понятия «марксизм» и «диамаст» [13].

В советское время подобное разведение было бессмысленно. Однако и тогда находились философы и психологи, которые пытались подчеркнуть творческий характер марксизма как возможной методологии науки и указать на бессмысленность «цитатного» подхода к нему. Таковым был советский философ Э.В. Ильенков, весьма популярный в настоящее время среди западных мыслителей. Таковым был и Л.С. Выготский, который вовсе не склонялся к «поклонению авторитетам». Он не считал, что в марксизме априори дана та или иная теоретическая система, которую можно лишь обогащать и развивать, или что в работах классиков марксизма можно видеть указующий перст – как именно надо исследовать психику. Напротив, Выготский утверждал, что «предварительно *можно искать у учителей марксизма не решение вопроса, даже не рабочую гипотезу (потому что они создаются на почве данной науки), а метод ее [гипотезы. – Ред.] построения. Я не хочу узнать на даровщинку, скроив пару цитат, что такое психика, я хочу научиться на *всем* методе Маркса, как строят науку, как подойти к исследованию психики» [1, с. 421]. Кроме того, Выготский, разрабатывая свою оригинальную концепцию, опирался на весь предшествующий путь развития психологической науки, считая необходимым не отбрасывать созданное «авторитетами», а учитывать все то, что работает на построение единой системы научной психологии. Здесь возникает новая линия дискуссий между монистами и плюралистами, которую мы продолжим далее в разделе, посвященном роли истории психологии в методологической работе.*

1.2. Критика понимания монизма как методологического редуционизма

Единство мира как единство многообразного предполагает такое же единство системы описывающих его понятий

и системы методов его познания. Единство методов вовсе не означает сведения всего многообразного арсенала путей и средств исследования изучаемой в науке реальности к каким-то однообразным, одинаковым, абстрактным приемам, что может быть названо «методологическим редукционизмом». Однако именно так формулируется «недостаток» монистической позиции. Рассматривая культурно-деятельностную психологию как вариант неклассической психологии, М.С. Гусельцева утверждает, что неклассическая психология – это «универсальная психология». Объединяя в один ряд таких разных авторов, как З. Фрейд, Э. Эриксон и А.Н. Леонтьев (и его последователей), автор пишет, что эти психологи «создавали универсальные, и в силу этого абстрактные модели, будь то стадии развития сексуальности, стадии развития идентичности или периодизация психического развития» [4, с. 114].

Между тем для монизма диалектического образца и неклассической психологии культурно-деятельностной школы характерно как раз стремление к конкретному, а не к абстрактному познанию. Здесь стоит еще раз напомнить о том, как понимали категории абстрактного и конкретного в диалектике. Еще Г. Гегель в работе «Кто мыслит абстрактно?» утверждал, что абстрактно мыслит вовсе не ученый, а, например, торговка на рынке, которая приходящих на рынок людей воспринимает под одним углом зрения – купит или не купит пришедший у нее рыбу, т.е. воспринимает их чрезвычайно однобоко. Напротив, ученый для достижения истины (истина всегда конкретна) всесторонне рассматривает предмет как «узел свойств». И поэтому говорить об абстрактности моделей культурно-деятельностной психологии – это значит не понимать ее сути. С таким непониманием встречался и создатель известной периодизации развития

Д.Б. Эльконин. Он неоднократно вынужден был повторять, что созданная им периодизация вовсе не пригодна «для всех времен и народов». Напротив, детство исторично, что означает необходимость выделения своих периодов развития у детей разных исторических эпох, культур и социальных слоев. Общее (понимаемое как всеобщее, т.е. существенное, а не внешне одинаковое) здесь ни в коей мере не противостоит единичному. Несмотря на различие выделяемых периодов развития, существует всеобщий методологический «ключ» к такому выделению – например, принцип ведущей деятельности. Однако данный принцип задает только направление анализа конкретной совокупности психических и личностных особенностей детей того или иного возраста, живущих в определенную эпоху и принадлежащих к конкретному социальному слою, которые можно выяснить лишь при *реальном* подробном исследовании всех относящихся к этому фактов. Поэтому противопоставление «абстрактности» марксизма «конкретности» неокантианства – как возможной методологии будущей психологии, которое проводится М.С. Гусельцевой, – лишается своего смысла. По ее мнению, «суть новой методологии выразилась в переходе от анализа универсальных законов – к уникальным событиям, от “объективизма” – к культурной аналитике, от позитивизма – к герменевтике» [4, с. 115]. Здесь весьма неадекватно представлены как методология диалектического монизма, так и диалектика общего и единичного в науке. Конкретность познания в диалектике понимается как стремление к многостороннему познанию действительности в ее исторической специфике. Крупнейший диалектик XX века Э.В. Ильенков писал по этому поводу четко и определенно: «Само особенное и единичное формируется сообразно требованиям, заключенным в ... реально-всеобщем, и дело выглядит таким образом, что само единичное

в его особенности реально выступает как “единичное воплощение” реально-всеобщего... Каждое особенное и единичное осознается именно с той стороны, с какой оно принадлежит данному целому, представляет собой выражение именно данной конкретной “субстанции”, понимается как появляющийся и исчезающий момент движения данной конкретно-специфической системы взаимодействия. Но сама “субстанция”, сама конкретная система взаимодействующих явлений понимается при этом как исторически сложившаяся, как исторически развившаяся система» [8, с. 145].

Таким образом, конкретность действительности (как единства многообразного) требует столько же конкретной системы презентующих ее понятий. В этом отношении анекдотичными выглядят обвинения монизма в сведении всей многообразной системы к какой-либо одной категории и попытки объединить разные категории путем союза «и»: психика есть и деятельность, и отношение, и переживание и пр.

1.3. Монизм и принцип «непосредственного познания» объективной реальности

Монистов (даже культурно-деятельностного образца) часто упрекают в том, что они стремятся исследовать реальность «непосредственно», нивелируя «любые опосредствующие инстанции (язык, культуру, специфичный аппарат человеческого восприятия, собственные измерительные приборы и пр.)» [27, с. 3], поскольку убеждены в существовании некоторой не зависящей от нас объективной реальности. Данной позиции противопоставляется конструктивизм, согласно которому «мы не просто пассивно или активно отражаем мир, но *строим*, или *выстраиваем* его посредством языка и культурных систем. С помощью заданных культурой способов категоризации

мы разделяем и связываем, комбинируем и структурируем для себя определенным образом объекты мира и собственные переживания» [27, с. 33]. По мнению А.М. Улановского, сделавшего фундаментальный обзор современных исследований представителей конструктивистской ориентации, разные школы в психологии не по-разному описывают одну и ту же реальность, а исходят из разных онтологий, и если для психологии деятельности «личностный смысл» существует и реален, то для психоанализа — нет. Общий вывод таков: невозможно отделить наблюдателя от объекта наблюдения, поэтому не может существовать одного, «истинно объективного» способа видения мира, т.е. истина множественна.

Аналогичной точки зрения придерживается в своих работах М.С. Гусельцева, которая при анализе способов познания, принятых в школе Л.С. Выготского — А.Н. Леонтьева — А.Р. Лурии, делает вывод, что и в этом подходе по-прежнему сохраняется стремление исследовать объективную реальность «непосредственно». Она как своего союзника цитирует известного историка А.Я. Гуревича, в последних своих работах указывавшего на недостаточность марксистской философии истории и вытеснение ее неокантианской методологией: «В трудах Виндельбанда, Риккерта и в особенности М. Вебера было показано, что постигнуть непосредственно так называемую объективную реальность нам не дано, не только потому, что она уже прошла и ее нет, но и потому, что ее следы в источниках закамouflированы; источники эти непрозрачны, нуждаются в расшифровке, а расшифровка их, проникновение через источники в то, что происходило в прошлом, возможны только в том случае, если мы займемся анализом понятийного аппарата, познавательных средств...» (цит. по [4, с. 114]).

А кто говорил в марксизме — в подлинном марксизме — о «непосредствен-

ности» познания мира, не опосредствованного никакими орудиями, в том числе научными методами познания? В «Тезисах о Фейербахе» К. Маркс определял суть своего подхода в том, что предмет, действительность, чувственность берется не в форме объекта, не в форме созерцания, а как человеческая чувственная практика, т.е. субъективно (см. [14]). Еще ранее Г. Гегель указывал на необходимость специального анализа методов, ведущих к истине: «Голый результат без пути к нему ведущего есть труп» (цит. по [9, с. 20]). В культурно-деятельностной психологии, всегда настаивающей на деятельностной природе психики, говорится о пристрастности и активности познания даже на уровне элементарных ощущений – и в этом смысле «непосредственного постижения» объективной реальности в культурно-деятельностной школе никогда не предполагали. Вспомним, например, известные высказывания Выготского о психике как «искажении действительности в пользу организма» [1, с. 347]. Впоследствии А.Н. Леонтьев говорил об отражении мира *посредством* деятельности, что, конечно, не переводит его в лагерь абсолютных конструктивистов. Хотя образ – безусловно, конструкция (модель мира), однако она настолько верно представляет мир, насколько помогает субъекту сориентироваться и действовать в нем. Адекватность образа миру проверяется практическими действиями субъекта. Разум, стремящийся к познанию мира в его целостности, потому и имеет выход за пределы чувственности, что он всегда деятельный («Деятельный ум» – так назвал свою последнюю книгу А.А. Леонтьев [11]).

Отсюда очевидна неразрывная связь методологии и теории в монизме, которую представители плюралистической позиции почему-то часто игнорируют. «Весь ход развития современной науки, – пишет Л.К. Науменко, – со все большей

очевидностью свидетельствует о том, что не может быть построена объективно-истинная теория реальности независимо от объективно-истинной теории ее постижения, поскольку и та, и другая трактуют по существу “одно и то же”. Учение о мире и учение о его познании, логика и методология науки практически сливаются в некую единую дисциплину, делающую излишним употребление трех различных терминов. В самом деле, ведь научная, теоретическая картина действительности не только воспроизводит определенное предметное содержание, но и реализует определенную логическую форму, способ подхода науки к реальности, метод ее теоретического описания. В силу этого сами содержательные предметные определения объекта могут быть приняты за объективно-истинные лишь с учетом той строго определенной последовательности их получения, которая составляет основу принятой в данной науке логической системы теоретического описания. В противном случае все определения теории вырождаются в фикции» [18, с. 137].

Указание на опосредствованный характер познания вовсе не означает, что монисты культурно-деятельностного образца соглашаются с плюралистами в том, что метод в буквальном смысле слова «конструирует» предмет. Метод, напротив, должен быть адекватным предмету, изучаемой реальности (опять-таки напомним, что эта реальность открывается субъекту только в предметно-практической деятельности). Здесь действительно проходит водораздел между монизмом культурно-деятельностного образца, считающим деятельность той реальностью, которая, составляя субстанцию сознания, открывает субъекту объективный мир, делает его предметом его сознания и одновременно конституирует самого субъекта, и плюрализмом, утверждающим, что мир – субъективная конструкция нашего сознания как такового.

2. Почему современной психологии нужна диалектическая методология

2.1. Изменение социокультурной ситуации в начале XXI века

В начале XXI века многие методологи начали говорить о новом «методологическом повороте» в науке, вызванном прежде всего социокультурными причинами. Постмодернизм как возможная философская основа постнеклассического видения мира вдруг обнаружил свою несостоятельность перед событиями, получившими всемирный резонанс. Некоторые ученые прямо говорят о том, что постмодернизм умер 11 сентября 2001 года. Его формула – «могу так, а могу иначе» – уже не может быть признана основой мировоззрения человека, который стал осознавать глубокую ответственность за конкретный выбор своей жизненной позиции и своего пути; теперь требуется иная формула: «На том стою, потому что понимаю, что невозможно иначе» [29].

В связи с этим – неожиданно для многих – вновь возрос интерес к диалектике. Так, к примеру, на ежегодно проходящих Международных Ильенковских чтениях встречаются философы, психологи, педагоги из самых разных городов России и стран СНГ; постоянно выступают с докладами на этих чтениях и наши зарубежные коллеги. К сожалению, с горечью констатирует С.Н. Мареев, интерес к Э.В. Ильенкову в целом больше наблюдается за рубежом, чем в нашем Отечестве. Так, первая книга об Ильенкове была написана Дэвидом Бэкхерстом и вышла еще в 1991 г. [31]. Своеобразным откликом на нее стал лишь недавно изданный труд С.Н. Мареева «Из истории советской философии: Лукач–Выготский–Ильенков» [13]. За рубежом уже давно существует диалектическая психология (см. [20]); диалектическая методология регулярно обсуждается на международных конференциях, посвященных культурно-деятельностной психологии.

Некоторые авторы утверждают, что можно даже говорить о наступлении «постпостнеклассической» стадии развития науки, когда, в отличие от предшествующего (постмодернистского и постнеклассического) этапа, усиливается интерес к построению «метанарративов» (т.е. систем знаний), к рассмотрению и решению «метафизических» вопросов науки (например, о природе изучаемой реальности, о сущности человека, о законах его развития как целостной системы и пр.) [19; 29]. Свидетельством такого стремления к целостности являются также призывы современных психологов, разделяющих идеалы плюрализма (в либеральном его варианте), к интегративной работе в психологической науке.

Кстати сказать, упорные противопоставления постнеклассической рациональности как «сетевой» неклассической, «системной» не выдерживают критики в свете идей работ тех философов, которые специально занимаются анализом типов рациональности в науке. В частности, В.С. Степин, на работы которого так любят ссылаться радетели постнеклассического варианта рациональности в психологии, пишет в своей последней книге, что «переход науки к постнеклассической стадии развития создал новые предпосылки для формирования *единой научной картины мира*» и что эта картина должна строиться на «основе принципов *универсального эволюционизма*, объединяющих в единое целое идеи системного и эволюционного подходов» (выделено мною. – Е.С.) [23, с. 331]. И эта универсальная общенаучная картина мира, по мнению ученого, должна встать «на место слабо состыкующейся мозаики картин исследуемой реальности» [23, с. 348]¹.

¹ Ср. описания картины мира в постнеклассической психологии как «мозаики», «калейдоскопа», коллажа» и пр. (см., например [5, с. 49; 15, с. 43]).

В подобном системном видении психологических проблем нуждаются, по нашему мнению, и психологи-практики, имеющие дело с целостным человеком, и студенты психологических факультетов. Преподавание основ психологии слушателям разных факультетов и отделений учебных заведений привело меня к убеждению, что они на самом раннем этапе обучения уже должны иметь в голове хоть какую-то систему, выступающую точкой отсчета для последующего продвижения в психологическую науку и практику. Это, естественно, не означает, что не следует давать студентам (например, в курсе «Введение в психологию») предварительного представления об основных психологических направлениях. Именно так построена первая половина данного курса на факультете психологии МГУ, читаемого автором настоящей статьи, названная им «Историческим введением в психологию». Однако еще Гераклит говорил о том, что многознание уму не научает, и на констатации множественности точек зрения в психологии останавливаться нельзя. Если уж психолог-практик выступает «стихийным интегратором» психологии, то что говорить о профессиональных преподавателях, которые просто вынуждены думать о подобной интеграции в своих учебниках и лекциях. Поэтому автор настоящей статьи во второй половине курса «Введение в психологию» показывает возможный путь интеграции психологической науки, считая основанием таковой развитие принципов культурно-деятельностной психологии (что, естественно, предполагает и определенную критичность по отношению к ней). Кстати, подобная педагогическая работа может иметь и собственно научное значение. К примеру, Д.И. Менделеев создал свою периодическую систему элементов, решая первоначально чисто учебную задачу: когда ему поручили читать курс общей химии, он обнаружил, что подходящих учебников по данному

курсу нет, начал писать свой — и чем это закончилось, мы прекрасно знаем.

2.2. Система vs сеть: выбор в пользу понятийного, а не комплексного мышления

Рассматривая изучаемую реальность как единство многообразного, монисты иногда слышат от методологических либералов, что в этом отношении они солидарны с ними: и те, и другие считают необходимым создание «интегративной психологии». Однако пути к созданию таковой предлагаются принципиально разные. Методологические либералы предполагают соединение «всего со всем», каждой концепции с каждой в некую сеть, где нет единого управляющего центра, где все интерпретации равнозначны, тогда как диалектические монисты предполагают построение новой системы психологического знания на основе *диалектического* синтеза всех концепций, имеющих хоть какое-нибудь отношение к научному познанию психологической реальности.

Предлагаемый нашими оппонентами сетевой подход мы рассматриваем как шаг назад по сравнению с системным (диалектическим) подходом, поскольку первый предполагает (если воспользоваться терминами Л.С. Выготского) комплексное, а не понятийное мышление. Безусловно, комплексное мышление свойственно не только ребенку, который может в последующем достичь и уровня понятийного мышления; комплексное мышление характерно и для взрослого при решении определенных задач. Понятийное мышление вряд ли необходимо взрослому, например, при походе в магазин, когда, составляя список необходимых ему товаров, взрослый решает задачу на «обобщение» на уровне комплекса-коллекции (покупаемые им товары «дополняют» те, которые имеются в доме). Однако в науке подобное объединение возможно только на ранней стадии решения проблемы, когда исследователь знакомится с имеющимися

в психологии точками зрения. Дальше должна наступить стадия осмысления имеющихся различий в позициях, выделение возможных противоречий и их диалектическое решение, соответствующее сложности изучаемой реальности, поскольку она сама по себе диалектична. Как говорил Э.В. Ильенков, обнаруженное в действительности или в сознании противоречие — не повод для истерики, а повод для «включения разума». А разум, как известно, отличается критичностью — и не только к чужим позициям, но и к своей собственной. И поставленная проблема решается не на основании простой суммации точек зрения («и ты прав, и я прав»), а на основании их диалектического синтеза и «снятия» (нем. *Aufhebung*) в более сложной системе идей, в которой аутентичность той или иной точки зрения, как ни прискорбно для ее автора, исчезнет. Зато будет построена новая система знаний, более адекватно представляющая изучаемую реальность, чем это было ранее.

Воспользуемся для иллюстрации уже приведенным примером. Известно, что до создания периодической системы Д.И. Менделеевым было около 50 разных точек зрения на основания классификации химических элементов. Представим себе, что Менделеев — в соответствии с рецептами плюралистов — стал бы утверждать, что все авторы данных позиций имеют право на свою точку зрения, т.к. они «так видят мир». Однако, учтя все эти позиции, Менделеев не создал еще одну, 51-ю, позицию, а диалектически синтезировал их в абсолютно новую систему идей.

Кто-то скажет, что психология, в отличие о химии, — наука гуманитарная, где исследователь имеет дело с реальностью как текстом (а текст можно толковать разными способами, и нет критерия более или менее адекватной интерпретации текста). Ответим на это так: во-первых, если психология продолжает называть себя наукой,

то и к ней применимы основные принципы научного познания (с учетом, естественно, специфики изучаемой реальности; хотя предмет психологии, как справедливо утверждал Л.С. Выготский, — самое сложное, что есть в мире). А, во-вторых, границы интерпретации текста ставит сам этот текст, который, хотя и предполагает множество возможных его интерпретаций, не может допустить полного произвола таковых. Возьмем, к примеру, случай, упомянутый Э.В. Ильенковым в одной из его работ по педагогике. Один старый математик говорил ему о своих школьных годах: «Литературу нам преподавал очень грамотный последователь Белинского. И мы привыкли смотреть на Пушкина его глазами, — то есть глазами Белинского. Воспринимая как “несомненное” все то, что говорил о Пушкине учитель, мы и в самом Пушкине видели только то, что о нем сказано учителем — и ничего сверх этого ... Так было до тех пор, пока мне в руки случайно не попала статья Писарева. Она привела меня в замешательство — что такое? Все наоборот, и тоже убедительно. Как быть? — И только тогда я *взялся за самого Пушкина* (выделено Э.В. Ильенковым. — *Е.С.*), только тогда я *сам* разглядел его подлинные красоты и глубины. И только тогда я по-настоящему, — а не по-школьному, понял и самого Белинского, и самого Писарева...» [9, с. 19].

Приведенный пример говорит не только о том, как можно разрешить имеющееся в науке противоречие, — он одновременно выступает иллюстрацией такой педагогики, которая сознательно строится на диалектике. Э.В. Ильенков писал по этому поводу, что ум «с самого начала надо воспитывать так, чтобы “противоречие” служило для него... толчком к самостоятельной работе, к самостоятельному рассмотрению вещи, — а не только того, что об этой вещи сказали другие люди» [9, с. 19]. На подобной диалектической основе сознательно строилась, например,

система развивающего обучения Д.Б. Эльконина – В.В. Давыдова; теорией и практикой формирования диалектического мышления в школе и в вузе занимаются Н.Е. Веракса и его последователи (см., например, [6]). Плюралисты же предлагают законсервировать традиции современной массовой школы, которая делает ставку не на разум, а на память. К сожалению, и в университетском преподавании психологии наблюдается данная тенденция. Студент усваивает множество точек зрения, а как соотнести их друг с другом при решении той или иной проблемы не знает. Для него все они – «монады», не имеющие между собой ничего общего. Даже если он начнет их «стихийно интегрировать», он вряд ли выйдет за пределы логики «и–и». Но именно такая логика (логика «мышления антиномиями») характерна для представителей постнеклассической постмодернистской психологии. По мнению М.С. Гусельцевой, подобная логика «позволяет преодолеть мышление бинарными оппозициями, логику “или–или”» [3, с. 105]. Между тем давно существует диалектическая логика, суть которой была кратко изложена выше. Она не позволяет ограничиваться формулировкой дилемм в виде бинарных оппозиций, не останавливается и на умении воспринимать «противоположные положения – тезис и антитезис – как части целого» [3, с. 105].

Безусловно, вторая позиция (позиция скептика) более прогрессивна, чем первая (позиция догматика); Гегель называл ее естественной формой преодоления наивно-догматизма. «Ибо если догматик упорствует, защищая одну “половинку истины” против другой “половинки истины”, – разъясняет диалектическую позицию Гегеля Э.В. Ильенков, – не смея найти “синтез противоположностей”, “конкретную истину”, то “скептик”, – так же не умея этот конкретный синтез осуществить, – по крайней мере, видит обе половинки, понимая, что обе они имеют основание...

И колеблется между ними» [9, с. 33]. Однако диалектик всегда идет дальше, «снятая» в диалектическом синтезе и позицию догматика («или–или»), и позицию скептика («и–и»): «Живой диалектически мыслящий ум не составить из двух одинаково мертвых половинок – из “догматизма” и “скепсиса” – это опять-таки нечто “третье”. Это третье – соединение разумной (а потому твердой) убежденности со столь же разумной (а потому острой) самокритичностью. В глазах догматика это “третье” всегда выглядит как “скепсис”, а в глазах скептика – как “догматизм”. На самом же деле – это и есть диалектика. Диалектика ума, способного отражать диалектику действительности. Логика мышления, согласная с Логикой вещей» [9, с. 33]. Диалектик «не навязывает природе диалектические законы, а находит их в ней», – еще раньше писал Л.С. Выготский [1, с. 419].

Возникает серьезный вопрос: как перестроить преподавание психологии в вузе так, чтобы оно формировало не многознание, а диалектически мыслящий ум, который будет мыслить не абстрактно, а конкретно (Ильенков постоянно подчеркивал, что конкретное – вовсе не «наглядное», а «единство в многообразии»)? На мой взгляд, лучший способ для этого – вдумчивое (а не «коллекционерское») изучение истории психологии². История и методология являются двумя формами рефлексивных психологических дисциплин, одна из которых осуществляет свою рефлексивную функцию в диахроническом, а другая – в синхроническом аспекте³. Поэтому различие в методологических

² С точки зрения С.Н. Мареева, диалектическая логика «не может быть получена путем простого обобщения результатов разных наук, но она может быть получена путем обобщения истории разных наук» [13, с. 133].

³ Мне особенно приятно отметить, что теснейшая связь методологии и истории подчеркнута и в названии журнала, для которого пишется данная статья.

ориентациях психологии приводит и к разному пониманию сути и функций самой истории психологической науки.

С точки зрения плюралистов, «история науки доказывает, что невозможно единая психология» [4, с. 118]. Я, как представитель диалектического монизма, напротив, утверждаю, что это единство (которое опять-таки следует понимать как единство в многообразии) в психологии существует, только оно не дано «на поверхности», и требуется специальная историко-методологическая работа, чтобы это единство увидеть и использовать полученные историко-психологические знания при решении самых современных проблем. По нашему мнению, историю психологии можно рассматривать как своеобразный «методологический эксперимент»⁴, неоднократно доказывавший эвристичность именно диалектического, а не эклектического способа познания и видения мира при решении фундаментальных психологических проблем.

2.3. История психологии – «методологический эксперимент» диалектики

Возьмем, к примеру, такую «сквозную» проблему психологии, как проблема «интеллекта и аффекта» (т.е. проблему соотношения познавательных процессов и аффективно-смысловой стороны человеческой деятельности). Как известно, целостность душевной жизни человека, представленная в трудах античных философов, в процессе дальнейшего развития психологии оказалась «расколотой» на две отдельно изучаемые сферы, что сохраняется и в современной психологии. Между тем в истории психологической науки имелись удачные попытки решения проблемы

интеллекта и аффекта, принадлежавшие диалектически мыслящим ученым. К этим последним относится Б. Спиноза (не случайно он стал любимым философом Л.С. Выготского, также решавшего указанную проблему). Рассматривая в «Этике» два противоположных способа решения проблемы «интеллекта (разума) и аффекта»: 1) аффектом можно овладеть при помощи разума; 2) аффект может быть побежден лишь другим аффектом, – Спиноза, совершив диалектический синтез обеих точек зрения, приходит к выводу о тождестве разума (интеллекта) и аффекта. Используя странно звучащее для «недиалектического» уха словосочетание «познавательная любовь», он утверждает, что «высшее стремление души и высшая ее добродетель состоят в познании вещей по третьему роду познания» и что «из этого третьего рода познания возникает высшее душевное удовлетворение, какое только может быть» [22, с. 606–607].

Нелишне вспомнить, что Б. Спиноза является также автором диалектико-монистического решения поставленной его старшим современником Р. Декартом психофизической проблемы, тогда как декартовский дуализм явно или неявно составляет философскую основу многих современных психологических исследований. По мнению Спинозы, тело и душа – модусы единой субстанции, изучаемой лишь под разными атрибутами. Отсюда следует значимый для психологии вывод о том, что психические процессы нельзя рассматривать как особую, отличную от деятельности субъекта реальность, и формулировка гораздо более позднего времени, вторично пытающаяся объединить разделенные Декартом миры, – «сознание не только проявляется, но и формируется в деятельности» (С.Л. Рубинштейн), – оказывается отходом от диалектико-монистической идеи Спинозы об осмысленном действии как тождестве «протяженности» и «мышления».

⁴ «Методологическим экспериментом» в соответствующей литературе называется «проверка в ходе конкретного исследования эвристичности и полезности методологического знания того или иного уровня для решения возникшей в науке проблемы (познавательной трудности)» [10, с. 31].

Интересно отметить, что в школе А.Н. Леонтьева, критиковавшей данную формулировку С.Л. Рубинштейна (сознание и деятельность в этой формулировке представляются как разные реальности, а их «единство» — как нечто желаемое), также иногда допускались отступления от Спинозистского решения проблемы. Так, в ряде своих работ П.Я. Гальперин, касаясь созданной им теории планомерно-поэтапного формирования умственных действий и считая осмысленность важной характеристикой человеческого действия, тем не менее рассматривал процесс интериоризации как условие преобразования «непсихического явления в психическое». Это в свою очередь вызвало справедливую критику С.Л. Рубинштейна, указавшего на присутствие психических процессов в любой предметно-практической деятельности как «компонентов» последней. Не признавая терминологии С.Л. Рубинштейна (психическое по отношению к деятельности не может выступать в качестве ее «компонента»), следует отметить, что психическое действительно «присутствует» в любой (как внешней, так и внутренней) форме деятельности, но не как ее «часть» или «компонент», а как ее функциональный орган («временное сочетание сил, способное совершить определенное достижение» — А.А. Ухтомский). Подобное понимание соотношения «деятельности» и «психического» наиболее отчетливо было представлено в общепсихологических работах Д.Б. Эльконина.

Между тем дуалистической позиции, порождающей неразрешимые теоретические проблемы, можно было бы избежать, если почаще обращаться к работам крупнейших философов и психологов, опиравшихся на диалектический — а не на модный ныне эклектический — путь познания мира. Защитники этого последнего в своих методологических работах, как правило, игнорируют историю психологии (об этом пишет, например,

П.А. Мясоед [17]). Несмотря на имеющееся в истории психологической науки множество точек зрения на психологические проблемы, обнаруживаются удивительные параллели между взглядами мыслителей разных эпох и стран (например, учение стоиков III в. до н.э. об аффектах и теория эмоций У. Джеймса и К.Г. Ланге, учение Аристотеля об ощущениях и действиях и соответствующие идеи А.Н. Леонтьева, критика Б. Спинозой познания первого рода и анализ В.В. Давыдовым недостатков эмпирических обобщений и т.п.). Целостный взгляд диалектика на историю развития психологии неизбежно приводит его к выводу, что на всем протяжении этой истории исследователи, стремящиеся к научному познанию, изучали (пусть и очень разнообразными способами) все-таки одну — очень сложную, многомерную, многоуровневую, но одну — реальность. И поэтому — при всем многообразии подходов и взглядов на предмет психологии — все-таки можно найти основание для их сравнительного анализа с целью последующего построения единой системы научно-психологического знания.

Взгляд на историю психологии как «единство многообразного» был характерен и для крупнейшего историка психологии нашей страны М.Г. Ярошевского, которого автор данной статьи считает одним из своих учителей. Анализируя творчество мыслителей разных эпох и стран в трех аспектах (предметно-логическом, социально-психологическом и личностно-психологическом), М.Г. Ярошевский предложил для анализа развития идей в истории психологии категориальный подход, утверждая, что за пестрым разнообразием понятий, терминов и идей скрываются некие инвариантные категориальные структуры, составляющие «ядро» понятийного аппарата в психологии. Можно спорить относительно конкретного перечня данных категорий (в своих ранних

работах М.Г. Ярошевский выделял в качестве таковых образ, действие, мотив, психосоциальное отношение, личность; позже перечень категорий существенно расширился), однако несомненно, что подобные инварианты есть, и они определяют именно психологический (а не физиологический, философский, филологический и пр.) взгляд на реальность. Подобными же инвариантами являются, по мнению Ярошевского, сквозные принципы научного познания (детерминизма, системности, развития) и фундаментальные психологические проблемы (психофизическая, психофизиологическая, проблема соотношения интеллекта и аффекта и пр.). Если мы будем рассматривать историю психологии через этот «магический кристалл», то мы увидим не мозаику (коллаж) разных позиций и точек зрения, а мучительные попытки мыслителей разных стран и эпох сделать психологию наукой. Вот почему крупнейшие методологи и теоретики психологической науки всегда очень серьезно относились к историко-психологическим занятиям, считая необходимым учитывать (критически проанализировав) все, что хоть на шаг приближало бы к истине. Неоднократно цитируя Л.С. Выготского в своих статьях, не могу не привести соответствующий пассаж из «Исторического смысла психологического кризиса» еще раз: «Мы дорожим каждым шагом к истине, который когда-либо делала наша наука; мы не думаем, что наша наука началась с нами; мы не уступим никому ни идею ассоциации Аристотеля, ни его и скептиков учение о субъективных иллюзиях ощущений, ни идею причинности Дж[еймса] Милля, ни идею психологической химии Дж[она Стюарта] Милля, ни “утонченный материализм” Спенсера...» [1, с. 427–428]. А вот еще одна цитата: «Наша задача вовсе не в том, чтобы выделить свою работу из общей психологической работы в прошлом, но в том, чтобы объединить свою

работу со всей научной разработкой психологии в одно целое на некоей новой основе» [1, с. 436].

Оппоненты часто упрекают монистов в том, что те якобы прячутся за авторитеты вместо того, чтобы выполнять реальные исследования, или не хотят знать другие позиции, отличные от взглядов той школы, в которой они были воспитаны. «Концепция Л.С. Выготского, безусловно, обогатила науку, но жить *только* “школой Выготского” или “деятельностным подходом” в XXI веке довольно странно», – утверждает М.С. Гусельцева и добавляет: «Психология Л.С. Выготского должна быть дополнена психологией К. Юнга, психологией А. Маслоу, психологией Г.Г. Шпета, ... а деятельностный подход – аналитическим, биографическим, герменевтическим, культурологическим» [3, с. 114–115].

По нашему мнению, вклад Выготского в психологию – не только и не столько в конкретных психологических исследованиях (хотя именно они широко известны), а в разработке той конкретной методологии психологии (см. особенно его работы [1; 2]), использование которой и привело к таким выдающимся достижениям. Покажем на отдельных примерах, к чему привело сознательное следование требованиям этой методологии, в частности принципу диалектического синтеза, в школе Л.С. Выготского – А.Н. Леонтьева – А.Р. Лурии.

2.4. Примеры решения фундаментальных проблем психологии на основе диалектического синтеза

В свое время в психологии при изучении сознания (интроспективно понимаемого) выделилось два альтернативных направления: структурализм и функционализм. Оба направления в своих концепциях сумели представить две важнейшие «стороны» сознания: образную (структурализм) и процессуальную (функционализм). В структурализме сознание

понималось как совокупность ощущений, представлений и т.п., в функционализме — как активность субъекта, единство интенциональных актов или функций и пр. В школе Л.С. Выготского — А.Н. Леонтьева — А.Р. Лурии эти две позиции были не эклектически соединены друг с другом, а творчески переработаны с учетом позитивных достижений обоих подходов. При этом радикально было преобразовано и само учение о природе сознания и человеческой психики в целом. Психическое перестало рассматриваться как замкнутый в себе мир духовных явлений (образов или процессов). Оно стало трактоваться как «функциональный орган» деятельности человека, изначально предметно-практической. Задачами подобного функционального органа являются ориентировка субъекта в мире, построение — в результате ориентировки — образа (модели) мира и регуляция на основе построенной модели мира деятельности субъекта. Таким образом, психическое по-прежнему рассматривается как единство процесса (всегда деятельностной природы) и образа. Однако в учении школы Л.С. Выготского — А.Н. Леонтьева — А.Р. Лурии это единство предстает весьма конкретным образом: в генетическом плане (в плане происхождения) процесс «забегает вперед образа», обуславливает особенности последнего; в функциональном плане (в актуалгенезе) — наоборот, образ предшествует актуально разворачивающейся деятельности субъекта и тем самым сознанию (психике) как процессу. Поэтому для представителей упомянутой школы главным противоречием в психологии выступает не противоречие между сознанием и деятельностью, а противоречие между «образом» и «процессом». Эта позиция особенно отчетливо выражена в отдельных работах А.Н. Леонтьева, который всегда говорил об образе как о «свернутом процессе», несущем в себе прошлый опыт взаимодействия субъекта с миром (в последние десятилетия

эта мысль развивается В.П. Зинченко). В этом смысле процесс всегда более революционен, т.к. строится с учетом текущих условий взаимодействия. Однако и более «консервативный» образ нужен для обеспечения взаимодействия в повторяющихся обстоятельствах или для начала действия в изменившихся условиях, которое тут же будет скорректировано по ходу дела; новая деятельность в изменившемся мире рано или поздно приведет к построению и качественно иного образа мира.

В современной психологии естественно-научный подход часто противопоставляется гуманитарному. Эта дихотомия в концептуальных построениях рассматриваемой школы изначально не существовала. Еще в ранней работе об историческом смысле психологического кризиса Л.С. Выготский, говоря о необходимости создания естественно-научной психологии, вовсе не имел в виду то упрощенное понимание «естественно-научного», которое распространено сейчас. Для него слово «естественно-научный» было синонимом слова «научный». Поэтому он называл естественно-научным учение К. Маркса о развитии общества: «Я убежден, что распространение термина “естественный” на все, что реально существует, вполне рационально... В этом смысле Маркс, по его словам, изучает процесс развития экономических формаций как *естественно-исторический* процесс» [1, с. 417–418]. Впоследствии А.Н. Леонтьев, обсуждая необходимость преодоления разрыва между номотетическими и идиографическими подходами (которые характеризуют, соответственно, естественно-научную и гуманитарную ориентации в психологии), обратился к категории личности и предложил рассматривать в качестве единицы анализа ее психологии поступок. Как свободное и ответственное деяние личности поступок заслуживает своего изучения в контексте самых современных гуманитарно ориентированных исследований лич-

ностного выбора и самодетерминации. Однако мы не должны забывать и о других «уровнях» анализа поступка, который можно рассмотреть через «призму» известной схемы структуры деятельности (отдельная деятельность, действие, операция) вплоть до уровня психофизиологических функций. Последние, изучаемые естественно-научно (в узком смысле этого слова) ориентированными исследователями, также вносят свой вклад в процесс реализации поступка. Таким образом, единство изучения поступка как многоуровневой целостности обеспечивается единством структуры человеческой деятельности, что ставит под вопрос и дихотомию естественно-научного и гуманитарного подходов, которая может быть диалектически снята в последующем развитии психологии.

Еще одна дихотомия — изучение человека в его субъект-объектных отношениях и в его же субъект-субъектных связях — давно уже «снята» в культурно-деятельностной психологии учением о невозможности «безобъектного» общения как субъект-субъектной реальности и о такой же невозможности деятельности как субъект-объектного отношения без опосредствующего это отношение другого субъекта. Конкретная реализация данной идеи применительно к онтогенезу осуществлена Д.Б. Элькониным. По его мнению, ребенок никогда не находится один на один с предметом — он смотрит на предмет глазами взрослого, ориентируется на предоставленный ему взрослым образец предметного действия. Последнее всегда выполняется, по мнению Эльконины, либо совместно со взрослыми, либо ради осуществления их поручения. И, напротив, общение с другим человеком всегда предметно опосредствовано. Тем не менее на каждом этапе онтогенеза субъект-субъектные и субъект-объектные отношения представлены в качественно своеобразном соединении. На одних этапах (в условиях европейской культуры —

младенчество, дошкольное детство, подростковый возраст) развиваются главным образом формы общения с другими людьми, тогда как в раннем детстве, младшем школьном возрасте и в возрасте ранней юности формируются и совершенствуются главным образом предметные действия.

Диалектический метод построения новой целостной системы, учитывающей достижения входящих в нее — на правах переработанных составляющих — разных позиций, был применен также А.Р. Лурией в области нейропсихологии. Его учение о системно-динамической локализации высших психических функций в головном мозге построено на диалектическом «снятии» двух альтернативных подходов к решению проблемы локализации: «узкого локализационизма» и «антилокализационизма».

Таким образом, в диалектической психологии школы Л.С. Выготского — А.Н. Леонтьева — А.Р. Лурии при решении некоторых фундаментальных проблем психологии были реализованы принципы той конкретно-научной методологии, которая способна при соответствующей ее разработке стать средством дальнейшей интеграции психологических знаний в единую целостную систему. Именно такая методология дает опору в понимании психологии человека как единства многообразного. Конкретное рассмотрение человека в соответствии с принципами данной методологии не сводится к его односторонне-абстрактному пониманию как реактивной машины, или как вместилища влечений, или как озабоченного лишь личностным ростом или переработкой информации. Поэтому из всех возможных направлений, строящих тот или иной «образ человека», мы выбираем культурно-деятельностную психологию, делая это осознанно и критично: если дальнейшее развитие науки и практики обнаружит неадекватность того или иного положения данной концепции, его необходимо

будет изменить в контексте решения задачи построения новой системы диалектической психологии. В свое время именно так, опираясь на новые исследования и психологическую практику, А.Н. Леонтьев критично отнесся к некоторым положениям концепции своего учителя Л.С. Выготского; в настоящее время в подобном же критическом ключе это делает А.В. Сурмава [26]. Столь же критично можно посмотреть и на отдельные положения психологической теории деятельности, что, собственно говоря, постоянно делается ее сторонниками ([21; 24] и др.), которых плюралисты упрекают исключительно в апологетике культурно-деятельностного подхода.

Заключение

Создание новой системы психологического знания, способной к дальнейшему развитию с учетом требований практики, имеет, очевидно, не только собственно теоретическое, но и самое непосредственное практическое значение. Еще Спиноза, как мы говорили выше, утверждал, что человек, вооруженный высшим родом познания, перестает быть рабом аффектов и испытывает ни с чем несравнимое высшее наслаждение от понимания закономерностей и единства мира, в котором он живет. Для нас механизмом «высшего рода познания» является диалектика. Она помогает не только видеть мир как единство многообразного; она помогает жить в этом меняющемся и непредсказуемом мире. Как отмечают авторы коллективной монографии «Диалектическая психология», «диалектическое мышление позволяет находить каждый раз новое, продуктивное соотношение между человеком и миром... Человек с диалектическим мышлением сам является творцом своей судьбы в тех реальных условиях, которые его окружают и которые преобразуются под влиянием его творческого воздействия; он — свободный реалист» [6, с. 25]. В этом

смысле практический психолог, ориентирующийся на диалектическую психологию, занимается не столько «лечением», сколько профилактикой: «Задача психолога — развивать диалектическое мышление, для того чтобы человек больше к нему (к психологу) никогда не обращался, так как он сам сможет решать свои проблемы, которые будет воспринимать не как повод для внутренних мучений и порчи жизни близким, а как задачу, которую нужно решить и для решения которой у него есть средства» [6, с. 62].

Подобное единство диалектического познания мира и эмоциональной регуляции поведения человека достижимо, согласно Д.А. Леонтьеву, на высшем уровне развития личности, когда она все более и более опирается «на принципы и механизмы преодоления низших закономерностей регуляции» [12, с. 144]. В соответствии с созданной им мультирегуляторной моделью личности Д.А. Леонтьев считает, что на этом уровне регуляции (саморегуляции) действует логика «не-иначе-как!»: «Это уровень, на котором происходит познание мировых закономерностей, которое не оставляет вариантов: если ты действительно видишь, что происходит, ты не можешь действовать иначе, потому что суть вещей не произвольна, а императивна» [12, с. 145]. Хотя этого уровня — уровня интегрированной и просветленной личности — достигают очень редкие люди (да и те не всегда действуют на нем в повседневной жизни), его можно считать идеалом и целью развития человека.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 291–436.
2. *Выготский Л.С.* [Конкретная психология человека] // А.А. Пузырей. Психология. Психотехника. Психагогика. М., 2005. С. 189–209.
3. *Гусельцева М.С.* Культурная психология: методология, история, перспективы. М., 2007.

4. Гусельцева М.С. Понятие прогресса и модели развития психологической науки // Методология и история психологии. 2007. Вып. 3. С. 107–119.
5. Гусельцева М.С. Постмодернистские перспективы развития психологии // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М., 2007. С. 45–73.
6. Диалектическая психология / под ред. Е.Е. Крашенинникова. Уфа, 2005.
7. Зеленкова Т.В. О сетевой парадигме в психологии // Методология и история психологии. 2007. Вып. 3. С. 18–28.
8. Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М., 1997.
9. Ильенков Э.В. Школа должна учить мыслить. М.; Воронеж, 2002.
10. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д. Методологические основы психологии. СПб., 2006.
11. Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М., 2001.
12. Леонтьев Д.А. Личность как преодоление индивидуальности // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / под ред. А.А. Леонтьева. М., 2006. С. 134–147.
13. Мареев С.Н. Из истории советской философии: Лукач–Выготский–Ильенков. М., 2008.
14. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К.Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М., 1955. С. 1–4.
15. Марцинковская Т.Д. Психология в современном мире // Теория и методология психологии. Постнеклассическая перспектива / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М., 2007. С. 33–44.
16. Мироненко И.А. Монизм, плюрализм и реальность // Вопросы психологии. 2007. № 3. С. 145–148.
17. Мясоед П.А. О психологическом знании и познании, или Что мы хотим от психологии? // Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 139–145.
18. Науменко Л.К. Монизм как принцип диалектической логики. Алма-Ата, 1968.
19. Режабек Е.Я. В поисках рациональности: статьи разных лет. М., 2007.
20. Смит Н. Психология. Современные системы. СПб., 2007.
21. Соколова Е.Е. К проблеме непротиворечивого определения предмета психологии в школе А.Н. Леонтьева // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. 2003. № 2. С. 32–49.
22. Спиноза Б. Избранные произведения: в 2-х т. Т. 1. М., 1957.
23. Степин В.С. Философия науки: Общие проблемы. М., 2008.
24. Стеценко А.П. Культурно-историческая теория деятельности в контексте современной психологии: неклассический подход к «неклассической» теории // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра / под ред. А.А. Леонтьева. М., 2006. С. 16–38.
25. Сурмава А.В. Психологический смысл исторического кризиса: Опыт исторического психоанализа // Вопросы психологии. 2004. № 6. С. 71–85.
26. Сурмава А.В. Диалектическая психология: драма становления // Методология и история психологии. 2007. Вып. 4. С. 25–39.
27. Улановский А.М. Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 27–37.
28. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М., 2004.
29. Эпштейн М., Савчук В. Светлой памяти постмодерна посвящается... // Художественный журнал. 2007. № 64. [<http://xz.gif.ru/numbers/64/epshtein-savchuk>].
30. Юревич А.В. Парадигмальные дебаты // Методология и история психологии. 2007. Вып. 3. С. 3–17.
31. Bakhurst David. Consciousness and Revolution in Soviet Philosophy. From the Bolsheviks to Evald Ilyenkov. Cambridge, 1991.